

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 2-го ноября 1903 года.

Отъ редакціи.

Иллюстрированное приложение къ газетѣ „Сибирская Жизнь“ ставитъ своей задачей помѣщение рисунковъ, изображающихъ какъ современную жизнь Сибири, такъ и ея прошлое, какъ ея природу, такъ и ея населеніе русское и инородческое съ его своеобразнымъ бытомъ на обширномъ пространствѣ сибирской территоріи. Успѣшное исполненіе такой задачи возможно, однако, лишь при сочувствіи сибирской интеллигенціи, при ея помощи и готовности подѣлиться своими художественными и литературными матеріалами. Чѣмъ шире выразится эта помощь, тѣмъ болѣе редакція будетъ имѣть возможности улучшить художественныя и литературныя качества изданія, сдѣлавъ его наиболѣе разнообразнымъ въ виду возможности наиболѣе строгаго выбора и наилучшей группировки матеріала. Въ настоящее время намъ могутъ упрекнуть за нѣкоторое однообразие въ литературномъ и художественномъ отношеніи и за плохое исполненіе нѣкоторыхъ рисунковъ. Считаемъ необходимымъ объяснить, что эти нежелательныя явленія происходятъ исключительно лишь отъ недостатка художественнаго и литературнаго поступающаго въ редакцію матеріала. Хорошіе фотографические или фототипические рисунки можно получить лишь съ ясныхъ хорошихъ оригиналовъ, но за недостаткомъ такихъ мы принуждены нерѣдко очень понижать мѣрило требованій своихъ въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыми художественными матеріалами, поступающими къ намъ нельзя воспользоваться вследствие ихъ плохихъ качествъ, почему остается неиспользованнымъ и относящійся къ нимъ матеріалъ литературный.

Въ настоящее время въ Сибири находится много фотографовъ по профессіи, но еще болѣе фотографовъ-любителей, достигшихъ большихъ успѣховъ въ своихъ работахъ. У многихъ представителей интеллигенціи, проживающихъ въ Сибири и отчасти въ Европейской Россіи, имѣются интересныя художественныя коллекціи, иллюстриющія природу Сибири и бытъ ея населенія. Ко всѣмъ этимъ лицамъ обращаемся мы съ просьбой подѣлиться съ нами своими художественными матеріалами. Только при ихъ содѣйствіи можетъ быть вполне достигнута поставленная нами одна изъ главныхъ цѣлей изданія—иллюстрированіе выдающихся моментовъ сибирской жизни.

Присланные рисунки по ихъ использованию будутъ съ благодарностью возвращены, если это будетъ поставлено условіемъ, и за использованный матеріалъ будетъ высланъ гонораръ въ обусловленномъ по соглашенію съ редакціей размѣрѣ. Къ присылаемымъ рисункамъ просимъ прилагать хотя бы краткій пояснительный текстъ, причѣмъ редакція оставляетъ за собой право дополнять или сокращать его, если авторъ не высказаетъ по этому поводу прямого несогласія.

Конечно, трудно дать полныя исчерпывающія указанія относительно характера художественнаго для насъ желательнаго матеріала, но нѣкоторые изъ этихъ указаній уже можно извлечь изъ тѣхъ 26 №№ иллюстрированнаго приложения, которые до сихъ поръ были выпущены. Мы желали бы давать портреты и биографическіе очерки сибирскихъ дѣятелей на поприщѣ государст-

венномъ, литературномъ, общественномъ, мы желали бы отмѣчать въ своемъ изданіи событія общественнаго и культурнаго характера, какъ то: выставки, открытія учебныхъ заведеній, ученыхъ, благотворительныхъ, просвѣтительныхъ обществъ, юбилей государственныхъ, литературныхъ, общественныхъ дѣятелей, разныхъ учреждений, желали бы давать культурно-историческіе очерки городовъ Сибири и характерныхъ въ томъ или другомъ отношеніи мѣстностей, желали бы знакомить читателей съ бытомъ сибирскаго населенія, съ его этнографическими особенностями, промыслами, жизненнымъ обиходомъ и т. д. Мы надѣемся, что этотъ призывъ нашъ къ сибирской интеллигенціи найдетъ откликъ со стороны всѣхъ сочувствующихъ, въ

знакомыхъ не только съ языкомъ, но и географіей, этнографіей сопредѣльныхъ съ Россіей на Востокѣ странъ, нравами, обычаями и религіозными вѣрованіями народовъ, населяющихъ эти страны. Между тѣмъ въ Россіи не было ни одного высшаго и даже средне-учебнаго заведенія, которое давало бы нужные для этихъ цѣлей интеллигентный контингентъ лицъ. Восточный факультетъ Петербургскаго университета выпускалъ больше теоретиковъ, еще съ грѣхомъ пополамъ, знакомыхъ съ языкомъ Китайскихъ и Манчжурскихъ классическихъ книгъ, но совсѣмъ не знакомыхъ ни теоретически, ни практически съ разговорнымъ, не знакомыхъ тѣмъ болѣе съ духомъ, характеромъ, географіей и этнографіей странъ нашихъ желтолицыхъ соотечественниковъ. При томъ же за послѣднее десятилѣтіе кафедры восточныхъ языковъ (Китайскаго, Монгольскаго, Манчжурскаго) въ Петербургскомъ университетѣ почти все время не были заняты. Въ Европѣ эти цѣли преслѣдуетъ пока единственное учебное заведеніе l'École spéciale des langues orientales vivantes, существующее въ г. Парижѣ болѣе столѣтія. Мало того, на нашихъ глазахъ неистово быстро стала развиваться во всѣхъ отношеніяхъ молодая сосѣдка Японія, съ которой еще до Китайско-Японской кампаніи европейцамъ приходилось уже снискать на дипломатическомъ турнирѣ. Та же Китайско-Японская кампанія выдвинула на сцену и Божья забытую Корею. Между тѣмъ въ Россіи не было кафедръ Японскаго языка. Вопросъ объ открытіи ихъ былъ поднятъ уже въ 1896 году. О кафедрѣ же Корейскаго языка не было и рѣчи. Всѣ эти пробѣлы должны были заполнить Восточный институтъ въ г. Владивостокѣ,—городѣ, удовлетворяющемъ всѣмъ условіямъ для болѣе благоприятной постановки учебнаго дѣла.

Институтъ, согласно Высоч. утвержденному мнѣнію Государственнаго совѣта, отъ 24-го мая 1899 г., былъ открытъ 21 октября того же 1899 г. въ составѣ одного курса, директора, законоучителя, 3 профессоровъ и 1 лектора.

Зданіе института и гимназіи при немъ построено на участкѣ въ 1000 кв. с., купленномъ городомъ у Владивостокскаго купца А. В. Даттала для гимназіи за 20000 р. и представляетъ изъ себя каменное 4-хъ этажное зданіе съ Свѣтланской улицы и 2-хъ этажное съ Пушкинской ул., на которую и обращенъ его главный фасадъ.

Предназначенное вначалѣ по Высоч. утвержденію Государств. совѣта отъ 6-го февраля 1896 г. для мужской гимназіи, оно, черезъ дополнителъный отпускъ 73000 р., приспособлено было къ помѣщенію въ немъ Восточнаго института.

Стоимость всей постройки Восточнаго института безъ интерната для гимназистовъ, построеннаго на личные средства купца А. В. Даттала, обошлась въ 250171 р. 91 к. съ кубич. содержаніемъ въ 2477 к. саж.

Нынѣ исполнилось четыре года со времени открытія Восточнаго института и онъ уже далъ 1-й выпускъ своихъ питомцевъ, правда, очень небольшой (6 человекъ). Не подводя пока итоговъ его просвѣтительной дѣятельности и значенія его для края, остановимся на его организаціи, занятіяхъ и жизни студентовъ, рѣдко отлучающихся отъ жизни ихъ коллегъ въ Россійскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

По количеству предметовъ, объему программъ, по способамъ, ведущимъ къ усвоенію ихъ Восточ-

Восточный институтъ въ г. Владивостокѣ.

Занятія въ Восточномъ институтѣ.

будущемъ мы получимъ возможность улучшить и расширить изданіе, достигнувъ такимъ образомъ поставленной цѣли.

Восточный институтъ въ г. Владивостокѣ.

Развитіе политической жизни Россіи на Дальнемъ Востокѣ, послѣднее ускореннымъ темпомъ со времени Китайско-Японской кампаніи, занятія полуострова Гуанъ-дуна и пріобрѣтенія сферы вліянія въ сѣверномъ Китаѣ отъ течения р. Янцъ-цзы-цзяна до Хей-лунъ-цзинской провинціи на сѣверѣ включительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникновеніе новыхъ административныхъ и торгово-промышленныхъ учреждений, естественно, вызвало необходимость имѣть на службѣ лицъ,

ный институт является исключительным высшим учебным заведением. Даже вышеупомянутый *Ecole spéciale des langues orientales vivantes* стоит в этом отношении гораздо ниже. Созданный для подготовки интеллигентных лиц не только в административной, но в торгово-промышленных учреждениях Азиатского Востока, институт включил в состав предметов своего изучения не только восточные языки (Китайский, Корейский, Японский, Монгольский, Маньчжурский), географию, этнографию, древнюю и новую историю, политическую организацию Китая, Кореи, Японии, Монголии и Маньчжурии, но и науки коммерческие, как напр. коммерческую географию восточных стран, историю торговли Дальнего Востока, обзор торгово-промышленности современного Китая, Японии, Кореи, Монголии и Маньчжурии, товароведение и счетоводство и науки юридические, как политическую экономию, государственное право, международное право, торговое право, гражданское право, судопроизводство. Обязательны для изучения английский и французский языки, причем на долю первого положено 16 недельных уроков. Курсы в институте 4-х летний. Все студенты на I-м курсе изучают китайский и английский язык, богословие, политическую экономию, государственное право, географию и этнографию Китая, Кореи, Японии, Монголии и Маньчжурии. При переходе же на II-й курс студенты выбирают себе одно из существующих при институте отделений: Китайско-Японское, Китайско-Маньчжурское, Китайско-Корейское, и Китайско-Монгольское, т. е. выбирают еще один восточный язык, которые и проходят под руководством профессора по специальности и лектора, слушая вместе с тем все положенные науки. Уже одно перечисление предметов преподавания в институте предполагает своеобразный штат профессорский и лекторский, равно как и распределение учебных предметов и лекционных часов. Как в институте, кроме европейски образованных профессорских того или другого восточного языка (при том для России единственных) есть еще и лекторы китайского, японского, корейского, монгольского, маньчжурского языков из природных туземцев, получивших высшее образование у себя на родине. Так напр. из трех лекторов китайского языка, или так называемых сяньшаней, — Ци-шань-цинг, Ванг-и-чи имеют степени магистров классической литературы и поэзии, Лю-юнь-чанг имеет степень кандидата. Лектор японского языка Маэда Киюдзю окончил Токийский институт иностранных языков, корейского Ханг-киль-мел получил высшее образование вполне удовлетворяющее государственным экзаменам для занятия высших государственных должностей в Корее и т. д. Недавно замечены бывшие до сих пор вакантными места лекторов монгольского и маньчжурского языков. Лектора не только помогают профессорам в их учебных занятиях, но и, по преимуществу, должны вести со студентами практические разговоры, когда только те пожелают, с каковою целью лекторами отведены квартиры в самом здании института.

Количество положенных предметов значительно удлинняет и рабочий день студента. Так кроме утренних лекций, продолжающихся с 9 до 2-х ч., положены еще обязательные вечерние лекции от 4 1/2 до 6 1/2 ч., причем они носят по преимуществу практический характер. На ту же и на других занятиях господствует урочная система, вытекающая из самых свойств восточных языков: не усвоивши предыдущего урока, нельзя усвоить и последующего. Для закрепления полученных знаний в течение года студенты в каникулярное время командированы в страны специального их изучения, причем лучшим из студентов выдается по 250 и 300 р. на все время нахождения их там, а всем остальным от 50 р. до 100—200 р. часто с бесплатным

проездом туда и обратно на пароходах или добровольного флота или Восточно-Китайской желѣзной дороги.

Командированные студенты по окончании каникул обязаны представлять письменные отчеты.

В Восточный институт принимаются все окончившие курсы средне-учебных заведений, но количество принятых не должно превышать 60 чел., считая в том числе и 4-х офицеров ежегодно командирующих в институте военным ведомством. По открытии института предполагали, что число желающих учиться там будет гораздо больше, нежели положено по штату, почему директором института Поздильевым было даже выработано положение о вечерних курсах. Вечерние курсы были предназначены для тех, кто имел право поступить в институт, но не был принят за неимением вакансий, однако желал бы изучать восточные языки. Были даже установлены конкурсные испытания по английскому языку и сочинение на историко-географическую тему. Действительность, однако, далеко не оправдала ожиданий. Не было еще ни одного года, чтобы все вакансии были заполнены. Так напр. в 1899—1900 уч. году было принято 35 чел., явилось к занятиям 28 чел., а к концу учебного года осталось только 15 студентов, 5 офицеров и 1 священник, в 1900—1901 уч. году было принято 42 чел., явилось 35—из них 24 студ. и 11 посторонних слушателей. К концу года осталось 22 студента,

Церковь в с. Бердском.

6 посторонних слушателей и 1 монах, в 1901—1902 году поступило 16 студентов, 13 посторонних слушателей. В 1902—1903 уч. году все студенты по курсам распределились так: I курс 17 студентов, 9 офицеров, 4 вольнослуш., II курс 9 студ., 10 офицеров, 3 вольнослуш., III курс 23 студ., 5 офицеров, 3 вольнослуш., IV курс 6 студ., 2 офицера и 2 вольнослушат. Такой далеко неполный комплект студентов побудил директора ходатайствовать об увеличении количества офицеров, назначаемых в институт до 8—10 чел. каждый год вместо 4-х и теперь благодаря полученному разрешению есть курсы, где офицеров больше, нежели студентов. Некоторых отделений не имевший ни одного слушателя, так напр. Китайско-Японское отделение в 1902—1903 г. Состав студентов крайне разнообразный. Гражданное большинство семинаристов, немного реалистов, еще меньше кадеты, несколько окончивших курсы в коммерческих училищах, и единицы из сиротских институтов и земледельческих училищ. Первые два-три года существования института не было ни одного гимназиста. Лишь за последний год в числе слушателей института мы видим несколько гимназистов из Восточной и Западной Сибири, но большая часть их вышла из института после Рождественских каникул. Местная же гимназия (Владивостокская) не дала институту пока еще ни одного слушателя.

Где же кроется причина непопулярности института среди учащей молодежи? Я, как бывший питомец его, укажу во 1-х на отсутствие склонности к изучению таких трудных язы-

ков, как китайский, японский и их письменность, во 2-х на крайнюю необеспеченность студентов, их нужды и в 3-х—отсутствие свободного времени для снятия себя заработка посторонними занятиями. Студенческие квартиры в Владивостоке непомерно дороги: за комнату в 3×4 арш. приходилось платить 15—20 р. без содержания, обед 14—16 р. в месяц. Следовательно, студенту необходимо иметь ежемесячно 45 р., чтобы удовлетворить только насущные свои потребности. А платье? Когда за студенческую фуражку приходилось платить 3 р. 50 к. Даже казенная стипендия в институте исчислена в 500 р. да и то при условии жить в интернате. Занятия найти очень трудно: нужно знать иностранные языки или бухгалтерию, ретиторство не привито и не прививается, да спрашивается, когда же заниматься? До 2-х часов утренних лекций, с 4 до 6 1/2 вечерней, в промежутке обед и маленький отдых. После вечерних занятий нужно готовить уроки к следующему дню по китайскому и английскому языку, да после 8 часовых занятий китайской грамотой вряд ли еще чем-нибудь захочется и сможет заниматься. Нужно еще заметить, что через каждые 10—15 дней даются на дом обязательные переводы с английского языка разного рода ученых статей из классической или современной литературы. Из 48 обучающихся в распоряжении института стипендий, таковыми пользуются не более 18—28 человек, а все остальные остаются свободными, не потому что ими некому воспользоваться. Нет! С одной стороны получение их обставлено тяжелыми условиями. С другой стороны стипендиаты должны жить в интернате при институте, где господствует гимназический режим, несвоемь подходящий под 25—30 и выше летний возраст, в каком находится почти все слушатели института. У них одна общая спальня, и общая столовая с гимназистами, одновозрастными с ними обед, чай и ужин, а это уж большое неудобство. Есть в г. Владивостоке и общежитие. Оно находится в старом здании мужской гимназии, достаточно темным и сырым. Плата взимается по 5 р. с человека с освещением, прислугой и кипитком. Но в комнате живут или должны жить 5—6 чел., освещение дается только в виде одной лампочки на всю комнату, стол состоит только из одного обѣда, с платой 13 р. в месяц. Следовательно, если помириться со всеми неудобствами совместного житья в одной комнате 5—6 человек, то и то необходимо иметь 25—30 руб. на одно пропитание в месяц. Все это заставляет необеспеченных студентов бросать уже начатое учение и предупреждать тех, кто собирается ехать учиться в Владивосток. Общество для вспомоществования студентам, отказывая студентам в мелких пособиях, выдает крупную сумму для командировок студентов в летние каникулы.

Библиотека института не смотря на кратковременное свое существование приобрела уже так много книг и брошюр, что справедливо может считаться одной из первых в мире по собранным там сочинениям и рукописям, относящимся к истории, юридическим дисциплинам, экономическому положению, поэзии и литературе Китая, Японии, Кореи, Маньчжурии и Монголии. Большая часть этих сокровищ была доставлена в институт, как военная добыча за последнюю Русско-Китайскую кампанию и как результат двухкратной поѣдки и д. профессора Рудакова в Маньчжурию и студента К. Дмитриева в Тянь-цзинь. Как вспомогательные учреждения при институте имеются этнографический музей, экспонаты для которого приобретены в ту же Русско-Китайскую кампанию, заключающий в себе предметы религиозно-вѣрований, быта, военного дѣла, приналежностей присутственных мест, одежды и проч. восточных народов. Положено начало коммерческому музею, музею по товароведению путем пожертвования от частных лиц. В не-

далекомъ будущемъ предполагается открыть лабораторію для химическаго изслѣдованія различныхъ предметовъ торговли съ Дальнимъ Востокомъ.

При институтѣ издаются «Извѣстія Восточнаго Института», выходящія не срочными выпусками и еженедѣльное издание «Современная Лѣтопись «Дальнаго Востока», гдѣ помѣщаются переводы наиболее важныхъ извѣстій съ Китайскаго, Японскаго и Европейскихъ языковъ изъ газетъ, издающихся на этихъ языкахъ въ восточныхъ странахъ.

Восточный институтъ кромѣ того цензируетъ всѣ книги, выходящія на восточныхъ языкахъ, равно какъ и всю литературу, привозящуюся сюда изъ странъ Востока.

Въ заключеніе нельзя не выразить глубокаго удивленія тому обстоятельству, что нынѣ окончившіе курсъ института въ количествѣ 6 чел. по всѣмъ предположеніямъ должны были бы взятъ, что называется «на расхватъ», какъ знающіе восточные языки, коммерческія и юридическія науки. А между тѣмъ одинъ изъ нихъ поступаетъ въ Русско-Китайскій банкъ въ Пекинѣ, другой въ контору Кунетъ и Альберсъ въ Портъ-Артурѣ, на незначительное оба жалованіе, двое уѣхали въ Россію шатать тамъ счастья, а одинъ даже поступилъ на должность помощ. полиціймейстера г. Владивостока.

A. T.

ныхъ по всему небу. На самомъ горизонтѣ, медленно выдвигаясь изъ за горъ, поднимались широкой полосой темныя грозовыя тучи. Онъ смотрѣлъ на нихъ равнодушно, объятый истомой, съ наслажденіемъ расправляя свои уставшія ноги. Получае съ мелкими листьями растеніе, около котораго онъ упалъ, кололо ему шею; но онъ не двинулся съ мѣста. Неподвижнымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на горизонтъ, на безконечную синюю даль, на темныя тучи...

«Собачья жизнь», — прошепталъ онъ.

И ему вспомнились тѣ постоянныя укоры, которыми награждали его односельцы и родные, когда онъ, возвращаясь изъ своихъ безчисленныхъ странствованій по тайгѣ, появлялся на время въ своей деревнѣ. Его сосѣдъ, плуговой рыжій мужиченко, обыкновенно первый съ усмѣшкой приветствовалъ его возвращеніе. «Ну, здравствуйте! пожаловали! Ну, что-жъ, отдохни, отдохни, малый, наработался за лѣто то, навалился на травѣ то, повалился на печкѣ!» «Опять явился, шатаю!» говорили другіе, «наробился, другъ сердешный, поди, къ матери на отдыхку пришелъ». Нескрываемое презрѣніе къ нему сквозило въ этихъ словахъ; но онъ обыкновенно молчалъ и только иногда, выведенный изъ себя, раздражался самой отборной бранью. Однажды его дядя, настоящій земляной мужикъ, исконный пахарь, началъ его уговаривать: «брось бы ты шататься; не будетъ отъ этого проку. А то смотри, дожилъ до бороды, а ни у

Какой то толчекъ вывелъ его изъ забытья. Онъ вздрогнулъ, быстро повернулся на другой бокъ и широко открылъ глаза, недоумѣвая, былъ ли это сонъ, или дѣйствительность. Онъ задумался; можетъ быть, въ это время его мать сидитъ въ жалкой развалившейся избушкѣ и плачетъ. Плачетъ и о немъ, плачетъ и о пропавшемъ безъ вѣсти его братѣ. Вотъ уже годъ, какъ о братѣ нѣтъ никакихъ вѣстей. А какъ, бывало, легко и спокойно ходили они оба по тайгѣ, какъ, бывало, дружно работали они по цѣлымъ мѣсяцамъ въ старыхъ отвалахъ, тщательно отмывая крупичи золота. Горе и радость, лишенія и успѣхъ дѣлили они вмѣстѣ, эти два таежника, молодые, полные силъ и здоровья. Не разъ случалось имъ голодать, сбиваться съ дороги, мокнуть подъ проливнымъ дождемъ, терпѣть холодъ и спасаться отъ смертельной опасности. Все переносили они, поддерживая другъ друга. Недѣли и мѣсяцы скитаній смѣнились разгуломъ, широкой жизнью во всю, а затѣмъ, впереди вставала прежняя непокрытая бѣдность. Но вотъ въ прошломъ году въ первый разъ братъ его ушелъ одинъ. Ушелъ и... не возвратился... Случайно тогда онъ не ушелъ съ братомъ. Нанялся къ богачу сосѣдъ и ушелъ въ извозъ, когда же вернулся домой, брата уже не было.

Голодная тяжелая то была зима. Заработковъ въ деревнѣ никакихъ, отъ извоза осталось денегъ самыхъ пустяки. Какіе длинные безконечно вечера приходилось проводить ему, сидя съ матерью въ холодной избушкѣ! Дровъ не было, потому что не было лошади навозить ихъ изъ лѣса. Всю лишнюю посуду продали на хлѣбъ. Долго ждалъ брата. Прошла зима, наступила весна; а его все не было. Какъ горѣвала мать, пожимала сына! А весной онъ и самъ собрался въ тайгу. И сколько ни просила мать, онъ не остался, а ушелъ за золотомъ на приискъ, гдѣ, по рассказамъ брата, можно было поживиться.

Съ воемъ проводила мать своего послѣдняго сына.

«Не плачь, мать! Вернусь осенью съ деньгами, удержусь, гулять не буду, а можетъ къ тому времени и братъ объявится!»

Все вспоминалъ онъ въ эту минуту. А между тѣмъ надъ головой собралась гроза. Темныя тучи ползли по небу. Ни одинъ листочекъ не шелохнется кругомъ. Мертвая тишина передъ страшной бурей стояла въ воздухѣ, тогда гдѣ то вдали въ ущельѣ пронзительно кричала хищная птица, кружась надъ скалою. А на горизонтѣ молнія шныряла, какъ змѣя.

Испуганно озираясь кругомъ, онъ вскопичилъ съ камней, вздернувъ катомку на плечи, захватить мѣшокъ и ружье, и, обгубивши высокой каменъ, быстро сталъ спускаться съ кручи въ долину...

...Гроза разыгралась. Тучи затянули все небо; съ минуты на минуту становилось темнѣе; громовые удары безпрерывно неслись другъ за другомъ, сливаясь съ глухимъ шумомъ дождя.

II.

III.

тебя лошади, ни у тебя сохи; домишко развалился, мать старуха, почитай, голодомъ сидитъ. На что похаже! А они съ братомъ расхаживаютъ. Всѣ въ отца, по отцовски и головы сложатъ».

Да, давно это было, отецъ сложилъ голову, подстрѣленный чьей-то шальной пулей. Завязтый афероловъ и спиртолюбъ, онъ всю жизнь бродилъ по тайгѣ съ сободемъ и дикимъ звѣремъ, шатался по приискамъ съ водкой. Въ одинъ осенній вечеръ его привезли домой, случайно найденнаго въ тайгѣ. Изъ подъ обмотанныхъ вокругъ головы тряпокъ сочилась кровь. Онъ былъ живъ, но страшно стоналъ, метался изъ стороны въ сторону и, не промолвивъ ни слова, къ утру умеръ...

Облака собрались въ темныя тучи. На минуту мелькнувшее яркое солнце снова погрузилось въ нихъ. На горизонтѣ становилось темнѣе и время отъ времени вспыхивали и прыгали блѣдныя, трепещущія молніи. Легкій вѣтерокъ побѣждалъ по вершинамъ лѣса и надъ головой путника зашептала старая сосна. А онъ, сковаанный усталостью и дремотой, лежалъ неподвижно; отяжелѣлыя вѣки смыкались...

«Кто это плачетъ? Чей это знакомый старческій голосъ? Неужели это мать? зачѣмъ она здѣсь...? Предъ нимъ сидѣла сгорбленная старуха вся въ лохмотьяхъ. Рваная шаль свалилась съ ея головы и растрепавшіяся сѣдые волосы сбѣлились въ кучу. Закрывши сморщенными земляными руками лицо, она горько плакала.

Тайга

Погромнаго прииска.

I.

Съ каждымъ шагомъ путь становился все труднѣе и труднѣе. Теперь, едва взобравшись ползкомъ на самую вершину высокаго перевала и тяжело переводя дыханіе отъ страшной усталости, онъ почти свалился на краю обрыва. Въ его глазахъ мелькали разноцвѣтные круги, а всѣ предметы прыгали и колебались. Внизу подъ ногами развертывалась предъ нимъ безконечная панорама уходящихъ въ даль горъ, синѣющихъ и волнующихся на подобіе моря.

Въ его головѣ стоялъ глухой шумъ, а во рту онъ ощущалъ непріятный вкусъ тягучей и горькой слюны.

Онъ лежалъ. Котомка съ убогимъ скарбомъ и необходимыми для его работъ инструментами казалась ему неподъемной тяжестью, давившею его плечи. А мѣшокъ съ сухарями и винтовка не разъ во время пути приводили его въ полное отчаяніе и теперь валялись около.

Наконецъ, немного успокоившись, онъ сталъ съ головы шапку, отеръ рукавомъ лобъ, и съ наслажденіемъ протянулъ уставшія израненныя ноги. Отъ крѣпкихъ новыхъ сапоговъ остались только жалкіе обрывки: подошвы наполнину отстали и завернулись, каблукъ сбился въ сторону, а одно голенище распоролось сверху до низу и было обмотано веревкой.

Лечь, лежать не вставая, не шелохнувшись, было его единственнымъ желаніемъ. Да, зтогъ утомительный тяжелый путь, въ теченіе недѣли, по глухой безлюдной тайгѣ, почти конченъ. Нужно еще только спуститься въ долину съ густымъ лѣсомъ, заваленнымъ буреломомъ и валежникомъ, перейти за небольшою хребетъ и тогда онъ будетъ на мѣстѣ, въ той долигѣ горной рѣчки, гдѣ лежатъ брошенный старый приискъ и гдѣ онъ будетъ жить и работать. Вотъ она внизу, эта долина. Густой темный сѣвникъ и пихтачъ сверху казались ему щетиной дикаго чудовища.

... Онъ молодой и здоровъ, а живучее несокрушимое желаніе добиться своего поддержать его силы. Не въ первый разъ ему приходится переносить лишения.

Онъ сталъ всматриваться въ даль. Жгучее лѣтнее солнце, уже время отъ времени пряталось въ густые обрывки облаковъ, разсѣян-

Въездъ въ с. Берекое.

На черном фоне в одно мгновение вырисовалась полуразрушенная крыша с покрившейся спотыкающейся, обшуйная руками дорожка, стала пробираться около стены. Нащупав под руками дверь, он толкнул ее с силой. Ржавая петля заскрипела, что-то тяжелое треснуло над его головой и свалилось, едва-едва не придавив его. Дверь поддалась и он попал под крышу.

Он тяжело вздохнул и на минуту остановился, обдумывая. Правда, с потолка текли потоки воды, но все же он был под кровом и чувствовал себя защищенным от непогоды. Скользя и загибаясь за какия то доски и камни, он ощупью пробирался по стьям.

Куда он попал, он не знал. Да не все ли равно—куда; лишь бы укрыться от непогоды, отдохнуть в сухом мѣстѣ и заснуть от страшной усталости. Все равно, здѣсь он не встрѣтит ни одного человека, ни одной живой души на этом заброшенном прискѣ.

Но вот он нащупал другую дверь, это несомнѣнно. Он схватился за скобку и отворил. Волной хлынул на него душливый тяжелый воздух; пахло гнилью и еще чѣм то столь отвратительным, что он в первый момент зажал нос. Он шагнул вперед. Под его ногами заскрипѣли и зашаталась половица, что то въ темнотѣ рухнуло; и он слышал, как крысы, повидимому, единственные обитатели этого жилья, съ глухим шумом бросились во всѣ стороны.

Но встаетъ здѣсь было сухо и сравнительно тепло, а съ улицы неслись оглушительные удары грома и свистъ вѣтра. Он сбросил съ себя котомку и промокшее насквозь верхнее платье и въ темнотѣ, отыскавши лавку, бросился на нее и черезъ минуту заснул глубокимъ мертвымъ сномъ...

Послѣ ночной грозы наступило чудное весеннее утро. Яркое солнце, пробравшись въ щель между досками, которыми было заколочено маленькое окно землянки, полосой упало во внутрь и осветило спящаго. Он проснулся и поднявъ голову сталъ осматриваться кругомъ. Въ полумракѣ онъ рассмотрѣлъ широкую избу съ закомѣвшими отъ дыма стѣнами, грязнымъ дурнымъ поломъ и широкой глиняной полуразрушенной печью въ углу. Онъ лежалъ на лавкѣ у стѣны. Смердѣ и гниль, которые поразили его еще вчера, онъ почувствовалъ сильнѣе. Оставалось одно—выбѣть поскорѣе доски и впусть свѣжій воздухъ... Онъ приподнялся и надавилъ доски. Безъ великихъ усилій доски поддались въ одинъ моментъ и вмѣстѣ съ струей чистаго утренняго воздуха ворвалось ослѣпительное солнце, осветивши грязь и разрушенныя казармы.

Онъ повернулся къ углу, гдѣ стоялъ сколоченный изъ досокъ грязный столъ и, пораженный, остановился какъ вкопанный. Вмѣстѣ съ камнемъ то хламомъ, откуда торчала головка полуразбитой бутылки, лежала шапка его брата. Онъ узналъ ее въ одинъ мигъ. Онъ такъ хорошо ее помнилъ, что узналъ бы ее изъ тысячи шапокъ, ни минуты не колеблясь. Цѣлый потокъ мыслей хлынулъ въ этотъ моментъ въ его головѣ. И жуткая радость—что его братъ здѣсь и какое-то смутное тяжелое предчувствие нехорошаго охватило его. Онъ быстро подошелъ къ столу и взялъ въ руки шапку. Да, нѣтъ сомнѣній, что это шапка его брата. Но какъ она попала сюда? Повидимому, уже давно никто не прикасался къ ней.

Онъ осмотрѣлся кругомъ и въ дальнемъ углу, въ темнотѣ, на печкѣ увидѣлъ край одеяла, который свѣсилъ сверху. Въ одинъ моментъ онъ былъ уже у печки, взобрался на приступокъ и застылъ отъ страха.

Въ темномъ углу печки подъ армякомъ, прикрытымъ слоемъ пыли, скорчившись лежалъ человекъ. Всклокоченные волосы виднѣлись изъ подъ края. Не осталось и тѣни сомнѣній, что это былъ братъ. Онъ узналъ его въ ту же минуту по густымъ волосамъ, по этому армяку съ вышитымъ воротомъ.

Онъ сдернулъ армякъ, но въ тотъ же моментъ то, что онъ увидѣлъ, нагнало на него такой ужасъ, что онъ спрыгнулъ внизъ, не помня себя и не соображая, схватилъ котомку и мѣшокъ и черезъ выбитое окно бросился бѣжать...

Минувъ первый перевалъ и взобравшись на гору, откуда онъ вчера смотрѣлъ на долину, онъ въ первый разъ очулся отъ давившаго его кошмара, и присѣлъ отдохнуть.

Онъ вспомнилъ почему то, какъ нѣсколько огромныхъ крысъ высочило въ тотъ моментъ,

когда онъ сдернулъ армякъ, какъ въ темнотѣ мелькнули изъ подъ лохмотьевъ бѣлыя кости, а нестерпимый запахъ разложившагося трупа едва не лишилъ его сознания.

И снова ужасъ охватилъ все его существо, онъ снова бросился бѣжать по лѣсу, блиставшему свѣжестью дневныхъ красокъ, бѣжать поскорѣе отъ той мрачной избушки, которая подъ своей кровлей скрывала тайну Погромнаго приска.

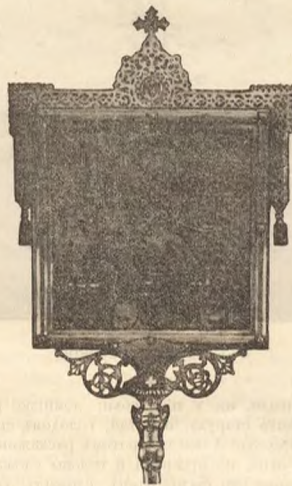
Крушинъ.

Село Берское.

Берское село расположено на правомъ берегу Оби, въ 35 верстахъ отъ станціи «Обь», т. е. отъ пересѣченія Оби желѣзной дорогой, и имѣетъ около 2500 жителей. Въ Берскѣ имѣются парковъ, пароходная пристань, почтово-телеграфная

Старинный портретъ Ермака.

Знамя Ермака.

контора, резиденція крестьянскаго начальника и становаго пристава, камера мирового судьи V участка Барнаульскаго уѣзда; волостное правленіе, больница, аптека, два врача; безплатная народная бібліотека, ремесленная школа, двухклассное училище, церковно-приходская школа и школа грамоты, базаръ, 2 торговыхъ лавки; съ 8 по 14 ноября бываетъ ежегодно небольшая ярмарка, куда окрестными жителями привозится преимущественно битая домашняя птица, скотское мясо, свинина, масло, шетина, вольса и проч. предметы крестьянскаго хозяйства. Обороты ярмарки не превышаютъ 25—30 тысячъ рублей. Въ Берскѣ организовано сельско-хозяйственное Общество, въ районѣ дѣятельности котораго входятъ соседнія волости: Легооставская, Чингисская и Николаевская.

На лѣто прѣзжаютъ въ Берскъ изъ Томска и Барнаула дачники, находя здѣсь незатѣдливыя квартиры, свѣжую но особенно дорогую провизію и кумысъ. Окружающій Берскъ прекрасный основный боръ служитъ излюбленнымъ мѣстомъ для гулянья дачниковъ.

Въ пяти верстахъ отъ Берска находится крупчатная мельница В. А. Горохова, расположенная въ красивой мѣстности, хорошо оборудованная, уже давно имѣющая школу, построенную и содержащую на средства владѣльца.

Берскъ уступаетъ другимъ обскимъ пристаямъ по числу жителей, какъ будто сибирская желѣзная дорога менѣе отразилась на ростѣ его населенія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, какъ наприм. на Камнѣ, но у него есть условія, которыя отличаютъ его отъ другихъ сель на Оби въ хорошую сторону. Необходимо отмѣтить, что его общественная жизнь отличается нѣсколько большимъ, сравнительно съ другими селами, блескомъ, благодаря нѣкоторымъ просвѣдительнымъ начинаніямъ, встрѣчающимся всегда матеріальную поддержку въ лицѣ мѣстнаго жителя В. А. Горохова. Ни въ одномъ сибирскомъ селѣ нѣтъ такого просторнаго зданія сельской бібліотеки, какъ въ Берскѣ. Въ прошлую зиму въ ее залѣ была прочитана томскимъ профессоромъ В. В. Сапожниковымъ публичная лекція о его путешествіяхъ по альпійскимъ высотамъ Алтаю,—событіе, конечно, очень рѣдкое для сибирскаго села.

Отрицатели современности введенія земскихъ учреждений въ Сибиріи говорятъ, что въ Сибиріи нѣтъ для того «помѣстныхъ» элементовъ. Если подъ словомъ «помѣстные» разумѣть мѣстные, а не что либо другое, то эта ссылка на отсутствіе элементовъ не вѣрна. Люди, отличающіеся такою же ревностію къ просвѣдительнымъ предпріятіямъ, какъ г. Гороховъ, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Сибиріи, только сибирское общество мало о нихъ слышитъ. Можно указать на г. Памфилова на Черной рѣчкѣ въ тюменск. у., на крестьянина Деятова (теперь уже покойнаго) въ минус. у., на г. Балакина въ курганск. у.

Къ рисункамъ.

Старинный портретъ Ермака.

Въ прошломъ номерѣ мы дали два изображенія, изъ которыхъ можно видѣть, какъ представляли себѣ фигуру завоевателя Сибиріи русскіе художники конца XIX вѣка. Помѣщаемый въ этомъ номерѣ портретъ, заимствованный изъ коллекціи портретовъ XVI—XVIII столѣтій, показываетъ, какъ представляли Ермака художники начала XIX в. Художникъ не задумался одѣть атамана волжской вольницы въ доспѣхи средневѣковаго рыцаря.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія этотъ портретъ въ дешевыхъ гравюрахъ былъ очень распространенъ въ Сибиріи не только въ городахъ, но и въ селлахъ, и у дѣловъ вышнихъ поколѣній эти гравюры пробуждали первая мысли о собатіи, связавшимъ Сибирь съ Россіей.

Знамя Ермака.

Знамя, которое теперь известно подъ именемъ знамени дружины Ермака, хранилось сначала въ Березовѣ и въ годъ празднованія трехсотлѣтія Сибиріи перенесено въ Омскъ и помѣщено въ войсковой Николаевской казачьей церкви; одновременно съ этимъ первый полкъ Сибирскаго казачьяго войска наименованъ полкомъ Ермака Тимофеевича.

Знамя изъ какой-то матеріи, уже обѣтвшій отъ времени; на немъ есть даже нѣсколько дыръ, которыя и обозначались на снимкѣ бѣлыми пятнами. Знамя заключено между двумя листами стекла, соединенными металлическимъ ободкомъ, и ему металлическимъ бордюромъ и другими украшеніями приданъ видъ хоругви.

Въ четырехугольномъ полѣ знамени изображенъ св. Дмитрій Солунскій верхомъ на лошади, поражающій копьёмъ святаго уиравшаго въ повергнутого на землю военачальника варваровъ). Такъ какъ битва, рѣшившая судьбу Сибиріи, произошла 26 октября и память святаго празднуется въ этотъ же день, то является сомнѣніе, находилось-ли это знамя въ дружинѣ во время роковой битвы.

Вопросъ можетъ быть рѣшенъ или предположеніемъ, что знамя было подарено дружинѣ уже послѣ взятія Сибиріи или связъ этого знамени съ именемъ Ермака основана на народномъ недоразумѣніи. Нашъ рисунокъ исполненъ съ фотографическаго снимка, сдѣланнаго специально для нашего изданія; знамя помѣщено въ ряду церковныхъ хоругвей; фотографу приходилось исполнять работу при данномъ положеніи предмета, не имѣя возможности поставить его въ необходимыя свѣтотвоя условія. Такъ какъ оно подвѣшено высоко, то для фотографа пришлось устраивать мостики.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.